

Ольга Шилова

Продолжение храма

Признаюсь: явление поэзии жительницы древнего Мещовска, театральной художницы и журналистки Ольги Шиловой оказалось для меня настоящим праздником.

Прошлогоднее издание ее третьего поэтического сборника «Благовременье» по-ахматовски сузило и замкнуло «какой-то тайный круг»: в полноте читательского взгляда ясно увиделось, с каким замечательным поэтом мы имеем дело. Жалею, что нет на свете лирика и филолога Валентина Берестова, уроженца старинного городка Калужской губернии. Вот бы кто горячо порадовался тому, что его родной Мещовск прирос новым «гением места», этой «скалолазкой Горнего Иерусалима», — которой, как пронизательно заметила поэт Ирина Василькова, равно «важна не только музыка природы, но и “объятья книжных стеллажей”, привычно раскрытая тетрадь, союз естественности и культуры»...

С подобным безоглядно-доверчивым (и в то же время крайне внимательным к себе) *духовно-лирическим дневником* я и впрямь никогда еще не соприкасался в круге чтения.

Три стихотворения Ольги Васильевны, напечатанные в «Фоме» весной 2009 года были эпохой сборника «Нетерпёж» (2011) — самой первой книги своеобразного шиловского триптиха. Потом родились раздумчивости «Скита» (2016) и гимны «Благовременья» (2020).

Оглядываясь на важное для поэта прошедшее десятилетие, хорошо помню, кто именно благотворно помогал этому поэтическому росту, бережно пестуя своеобразный — жадный до нескольких палитр сразу — дар лирического простодушия Ольги: опытный редактор и критик Ирина Роднянская. «Это “простодушие”, — писала Ирина Бенционовна во вступлении к сборнику “Нетерпёж”, — исток и колыбель “чистой” лирики, неотменимые даже после всех ее усложнений, технических перевооружений, скрещиваний с другими жанрами и с другими поэтическими стратегиями...»

Пройдут годы, и покровитель поэта порадует тому, что вслед тревогам и поискам двух первых книг пришли гармония и благодарность солнечного «Благовременья»... Воистину — так, а я помечтаю о будущем издании книжного триптиха Ольги Шиловой под одной обложкой. ♣

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок Романа Макагонова

Жизнь давно бессобытийна.
Бессюжетна прозы книга.
Что мне время карантина?
Что в обед к столу коврига

или ложка к шам да чашка,
коли мне привычно с детства,
благочиние монашки:
нищета и соседство.

Что для Пушкина холера —
как не Болдинская осень?
У печи и секретера
карантин поэту сносен,

даже если не усилен
эпидемии причиной.
Как у Дикинсон — пожизнен,
добровольно-самочинен.

Скучно на увеселенье
бедное моё селенье,
но довольно мне пейзажей,
и тропы и променажей.

И при этакое богатстве —
жизнь без внешних приключений,
внутренних полна течений
и глубокодумных странствий.

На дворе Филиппов пост,
но ещё не строгий.
Жаль, со вторника норд-ост,
и усилится мороз,
и разуты ноги.

Пуховик, сдаётся мне —
выдержит продувку.
Мама-мама, ты во сне —
обещала — купишь мне
зимнюю обувку.

Как у вас там, в Небесах?
Верно, вечно лето?
Не вольна ль ты в моих снах
показать мне это?

Когда нет в поле зрения бездомного кота —
иль пса — дрожащего от зимней стужи —
бредущего неведомо куда —
когда весь мир — до поля зренья сужен —

то радоваться можно иногда —
особенно под зимним капюшоном —
и ёлке встречной в платье расклешённом,
и куполам — снежком припорошённым —
спеша к вечерней службе в минус тридцать —
за всех несчастных на земле молиться

в единственно-любимый в мире храм —
где всё, что только входит в поле зренья:
и свечек чуть дрожащее горенье,
и — дымный — из кадилъниц фимиам —
приносит неземное утешенье.

Где кажется, что именно сейчас —
Он безраздельно милует всех нас!
И Ангел — световидно-белокрылый —
над каждым псом бездомным держит щит —
пока сорокократное звучит
из уст Церковных: «Господи, помилуй!»

Вдох и выдох, вдох и выдох —
мимо низеньких домов,
мимо — на заборах — сытых
восседающих котов.

Как-то воздух нынче нежен
для моих хворобых гланд —
оттого ничуть неспешен
полудневный променад.

То-то благо, что не битву
с дед-морозом и не прю —
Иисусову молитву
вдохом-выдохом творю.

Благоденственное время!
Лишь трудов святое бремя —
незатейливо-неспешных,
деревенски-неизбежных.

Ты доколе мне такое —
сердцу — для его покоя
и свободы преизбытка?

...Дом со сломанной калиткой,
покосившимся забором —
дом — как в крепости, в котором.

В нём, вседневно понимая
невосстановимость рая
даже в мизерном пространстве, —
грежу о Небесном Царстве.

Ливнями с лица омытый,
окнами вовне открытый —
дом — как тяж, как пуповина.
Дом — как мира сердцевина.

В мире, в коем длится Драма, —
дом как продолженье храма.